

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Стенограммы допросов. Часть 10

Опись 4689439/960-g

Архив RAV140934

Штамп 1: Материалы не подлежат открытой публикации до 07 октября 1996, ввиду возможного ущерба общественной нравственности. Дата: 07 октября 1946г.

Штамп 2: Разрешен ограниченный доступ. Дата: 08 октября 1996г.

Шестой фигурант
(второй допрос)

Дело 3302V-7.

Выписки из томов 3, 6 (этот и последующие допросы Айрин Вайсур проводит другой следователь)

Следователь: Госпожа Вайсур! От имени всей следственной группы я хотела бы официально извиниться перед вами за некорректное, бестактное поведение моей коллеги. Она отстранена от ведения вашего дела. Надеюсь, у нас с вами установятся доверительные отношения. Тем более, обвинения в ваш адрес, на которые намекала моя collega - плод ее воображения. Вы допрашиваетесь исключительно как свидетель, и никак более. Все показания, связанные с вашей личной жизнью, изъяты из дела и уничтожены. [Как бы ни так! - пер.]

Допрашиваемая: Благодарю вас. Я тоже с ней немного погорячилась.

С.: Вернемся к "Равенсбрюку". Прошлый допрос закончился на описании барака и вашем отказе от привилегированного места в нем. Прочитав ваши показания, я поняла, что вы что-то хотите рассказать и про сам лагерь.

Д.: Да. Вернее, про обстановку в нем. Я в детстве и подростком много читала. Исторические романы любила, баллады. Германец - это же всегда рыцарь без страха и упрека, крестоносец. Женщина для немца - что-то святое, на любимую фактически молятся, во имя женщины подвиги совершают, за нее гибнут в сражениях. Если же она краешек башмачка украдкой показала, то ее возлюбленный за это готов жизнь свою отдать. Но это в книгах...

То ли за столетия германцы другими стали, то ли тут такие люди подобралась, не знаю. Но в лагере мужчина, любой мужчина, даже заключенный - это цвет земли. А женщина - нечто настолько мизерное, что и в расчет можно не принимать. То, что полное моральное бесправие - это понятно. Но ведь в мирной жизни всегда у женщины что-то свое есть, интимное, закрытое для других. Даже для самых близких - мужа, любовника. А тут - все настежь. Любые эмоции, любые места на теле, любые действия, даже самые тайные - все не только открыто, но и специально демонстрируется. О наготы даже можно и не говорить, но ведь и естественные отправления, мастурбация даже.

Вот к примеру. Возвращаемся с фермы. Вечер, но в лагере светло, как днем - фонари, прожектора. И каждый, кто навстречу идет, вроде как обыск может устроить - нет ли под рубахой чего-нибудь. Но на самом деле проверка его не интересуется. Без того все прекрасно знают, что белья на нас нет, да и продукты никакие не несем. Жест вот такой пальцами делает

«показывает», а мы должны пострунке встать, ноги расставить и сразу рубашку к плечам задрать. Порой сам нас заголяет, это уж как кому нравится. Иногда всю группу сразу раздевает, иногда только самыми симпатичными ограничивается. Лапать сразу начинает, и нетак, как подростки, ласково и затаившись. Жестко, грубо, со щипками и ударами. Грудь за соски приподнимает - нет ли под ними чего-нибудь, во влагалище пятерней лезет, в задницу. Да еще повернуться, нагнуться приказывает, чтобы удобнее и нагляднее ему было. Это вроде как обыск называется. А вот если ты при этом «обыске» ему понравилась и он тебя трахнуть захотел, разогреться велит. Это значит, онанизмом у него на глазах заняться.

Не просто легонько себя погладить, а с полной отдачей, до оргазма настоящего. И чтобы он при этом все подробно видел. Как сосками играешь, как половые губы раздвигаешь, как клитор теребишь. И лицо, главное. Чтобы оно открыто было, а не рубашкой загорожено. На него при этом все время смотреть надо, глаза прикрывать нельзя. Представляете, как унижительно все это? И насколько с намыслом что угодно делать, насколько мы открыты для всех этих мужиков?

Потом, если офицеров рядом нет, то при всех, прямо тут тебя насилует. Хотя насилует ли? Ведь ты же сама должна ему отдаваться, да подмахивать изо всех сил. И попробуй только не от души все это делать... Вот вы юрист. Скажите, это изнасилование или нет?

С.: Конечно, изнасилование. Ведь тут использование беспомощного состояния потерпевшей.

Д.: Изнасилование все же, значит. И групповое обычно. Не в том смысле, что группой насилуют, а что сразу несколько женщин. У мужчин в лагере, как вы понимаете, недостатка в объектах насилия не было. Так что члены обычно у них не очень-то стояли. Нам и приходилось им помогать. Если уж он решил трахаться, сразу несколько женщин должны ему способствовать. И пенис самим вынуть, и полизать его, пососать, покачать. Пока хоть немного не затвердеет. Да и потом тоже помогать, языка ни от члена, ни от задницы его не убирать. Ведь, если, не дай Бог, не кончит, то всей группе нашей это просто так не сойдет. А власти над нами у каждого из них хватает...

Так что обычно он не одну из нас, а сразу нескольких насилует. Пару качков в одну, пару - в другую, пару - в третью. А если их двое или трое было, нас тогда в кружок с выпяченными задами выстраивали. Они по очереди тогда от одной к другой переходили, соревновались, кто первый кончит. На наши ощущения, конечно, внимания никакого не обращали.

Только заводиться начинаешь, как он уже вынимает и в другую засовывает. Так что у нас там все после этого горит, чешется, а им безразлично, конечно. И еще одно. Я раком, по-собачьему, вообще терпеть не могу. Для женщины, я считаю, унижительно совокупляться, как животное. До ареста почти никогда так не делала. Только, разве что, если в анус - животные так не делают. А тут - почти каждый раз...

Это, однако, у меня еще цветочки были, когда на ферме работала, а в лагерь - только на ночь. Две недели только продолжалось. Потом вот что. Идем утром на работу, навстречу - четверо солдат. Оказывается, ночью они в казарме уборщицу насмерть на «велосипеде»; замучили и срочно замену ищут. Ведь без новой уборщицы им не прожить. Вы знаете, что такое у них «велосипед»?

С.: Да, и очень подробно. Мы изобретателя этого мерзкого устройства допрашивали [см. стенограмму допроса «Велогонщика»; Фрица Линндера (фигурант 1) - пер.].

Д.: Это хорошо, что можно про «велосипед»; не рассказывать. Так вот, остановили

нас, рубахи велели задрать и уж очень внимательно всех осмотрели и ощупали. Слишком внимательно... я сразу тогда что-то неладное почувствовала. Тут один из них говорит: «А вот эта с каемочками и родинками мне нравится». Так что меня выбрали и в казарму повели.

С.: Вы сказали «с каемочками»?

Д.: Да. Я не только сама немножко смуглая. У меня и на краешках малых губ темная пигментация. Глубже-то розовое, как у всех. Эти каемочки ему понравились почему-то. А слева над лобком - две маленькие красные родинки, они ему невесту напомнили. В общем, по всем его параметрам подошла. Вот так я в уборщицы и угодила. Но на самом деле, конечно, уборка - это так, развлечение только было. Главное занятие - ублажать этих солдат, вернее, члены этих солдат.

Моешь, например, пол или постель кому застилаешь. Вдруг со спины к тебе кто-то подходит и подол к шее задирает. Ты тогда сразу остановиться должна и ноги пошире раздвинуть, вдруг он пристроится сзади захотел. Ждешь минутку - нет, не пристраивается. Значит, зрелище просто понадобилось. Это тоже надо ему организовать. Работу свою делать продолжаешь, но нагибаешься еще ниже. А зад в его сторону так выпячиваешь и им шевелишь, чтобы у тебя все складочки играли.

И так, пока все-таки не заведется и к тебе не пристроится. А иногда раздеться велят, только черные чулки натянуть и совсем голышом всю работу по казарме делать. Зачастую еще какие-нибудь фокусы придумывают. Убираюсь как-то, а солдатик на койке лежит и меня подзывает. Говорит, у него нос чешется. Так я рубаху сразу скинуть должна была и грудями по его носу водить, а он меня за соски покусывает. Потом отсосать велел, а в награду за то, что «нос почесала», у меня в это время во влагалище ковырялся. Хорошо ковырялся, умело. Такие места вкусные трогал, что я вся вздрагивала. Точку G, например. Знаете, где это?

С.: Нет.

Д.: На передней стенке влагалища, в глубину сантиметров 7, на длину пальца как раз. Там, где лобковая кость заканчивается. Совершенно потрясающие ощущения от этой точки, только надо ее найти. Солдатик этот сразу на нее вышел, опытный оказался. Стал на нее надавливать, я кончила сразу. Но жетона он все равно не дал.

Да, я же про жетоны еще не рассказала. Для нас у них специальная система была. Каждому солдату начальник охраны ежедневно выдавал по два жетона. Умельцы какие-то их сварганили. Латунный кружок диаметром с 50 пфеннигов, на нем с одной стороны пенис выгравирован, с другой - женские органы. Подробно все видно, в деталях. На эти жетоны мы питаться должны были, каждая кормежка не одну-две, а целых три штуки стоила. Так что эти жетоны солдаты нам, в конце концов, передавали, но не так запросто, конечно. Каждый жетон дорогого стоил.

Первоначально считалось, что если кто-нибудь из obsługi солдата удовлетворит, он ей за это должен жетон дать. Но это только считалось так, на самом деле было по-другому. Если просто в тебя кто-нибудь кончит, даже сразу несколько, то, хоть старайся, как хочешь, все равно жетона не получишь. Жетоны они для чего-нибудь особенного берегли. За «велосипед», например, всегда готовы были сразу жетонов 5 дать, если добровольно на него усядешься. Только такие добровольцы не очень-то находились. За «станок» еще пару жетонов давали, тоже, если добровольно, конечно. Вот в него порой залезали, если уж очень кушать хотелось. И мне самой это приходилось... Про

"станок" рассказать?

С.: Да, пожалуйста. У нас про него почему-то мало показаний.

Д.: Странно, ведь его тоже "Велогонщик" придумал, до "велосипеда" еще. Вернее, не сам придумал, на гравюрах старинных увидел. С изображением пыток инквизиции. В казарме три таких "станка" стояло. Как правило, все заняты. На них обычно за какую-нибудь мелочь наказывали, если посерьезней что, то на "велосипеде", конечно. "Станок" - это полутораметровая стенка из досок, в двух последних отверстия вырезаны для шеи и запястий. Верхнюю доску сначала приподнимают, под нее голову и руки наказываемой женщины засовывают, а потом на место опускают и задвижкой фиксируют. Затем ей ноги разводят, а чтоб сдвинуть не могла, циколотки к полозьям прищелкивают, на этих полозьях стенка и стоит. Напоследок под живот упор пододвигают, в результате туловище опустить нельзя.

Если кто на "станке" стоит, у нее даже пошевелиться не получается. Голова и кисти рук с одной стороны стенки, а что творится на другой стороне, она не видит. Спина у нее почти горизонтальна, с небольшим наклоном вперед, груди болтаются, а гениталии - как на ладони, все складочки видны. Что угодно можно делать: насиловать в любое отверстие, засовывать туда что хочешь, плеткой прохаживаться. Всякое придумывали. Одну уборщицу как-то на четыре часа поставили. Так после порки ей во влагалище ручку швабры засунули и так глубоко, что швабра к полу почти не провисала. Все четыре часа из уборщицы этой ручка торчала, а на ней носки сушились.

Мне однажды пришлось добровольно на станок встать, когда за три дня только один жетон заработала. Так кушать хотелось, словами не передать. На мне поэтому нарочно перекусить решили. Стулья со всех сторон установили, два с боков, один сзади. На спину тарелки поставили, стаканы, бутылку какую-то.

Запахи такие вкусные, да на голодный желудок... И холодное все, на голой спине-то, а даже чуть двинуться не могу, "станком" зажата со всех сторон. Те, что с боков были, еще ничего, только за груди дергали. А тот, кто сзади сидел, во влагалище начал шуровать. Чем-то холодным. Тоже, вероятно, ложкой или вилкой. Кушает и ковыряет, кушает и ковыряет... В конце концов, это что-то у меня внутри нагрелось и приятно сделалось. А он тут еще интенсивней стал со мной заниматься, клитор теревить начал. Да и те, что с грудями играли, на соски переключились, покручивать их стали. Потом, чувствую, тот предмет во влагалище до точки G дотронулся, там надавливать стал. Я вам про точку G говорила?

С.: Да, и очень подробно. Мужу обязательно расскажу "смеется".

Д.: "тоже смеется" Короче, у "обеденного стола" оргазм начался. Тот, что сзади сидел, даже выругался и отодвинулся, чтобы я его своими соками не залила. Но на самом деле из меня мало выливается, так что он просто перед приятелями выпендривался. Тем не менее, из влагалища вилку свою или ложку вынул. Но мне уже все равно было. И на их смех тоже наплевать было. Только плохо, что подвигаться даже не могла. В общем тогда со "станком" у меня хорошо получилось. Кончила, да еще два жетона заработала, наелась потом.

С.: Только за "велосипед" и "станок" давали жетоны?

Д.: Нет, конечно. Иногда давали, если в туалет сходишь.

С.: В туалет? По своим делам?

Д.: Да, по своим. Но ведь это как обставлено у них было. Если помочиться, например,

захотела, подойти надо было и сказать об этом. Лучше сразу к нескольким; если к одному, то не засчитается. Они, если свободны и настроены, с тобой идут. А туалет один, общий, конечно. Помост невысокий и в нем шесть дырок, даже перегородок между толчками нет. Если все-таки сумела добиться, что зрители с тобой пошли, надо было лечь на пол ногами к помосту.

Потом задрать рубаху и так свою струю направить, чтобы она сразу прямо в толчок лилась. Ни капли мимо. Руками, правда, можно было себе помогать, губы вверх натягивать. Солдаты над тобой стоят, смеются и комментируют: получилось у тебя или нет. А ты на вонючем полу лежишь и вся на своем ссатье сосредоточена. Если получилось все-таки и они как следует все гениталии твои рассмотрели, есть шанс жетон получить. Но для этого еще одно испытание надо пройти. На грязные доски тебя голым задом сажают и в рот мочиться начинают, обычно не меньше, чем двое. Все до капельки успеть проглотить надо, пока новая порция в горло наливается.

Потом вся в моче, сама себе противна, мыться прямо там надо под краном. А в результате только 50 на 50, что жетон за это получишь...

С.: А за что еще жетоны давали?

Д.: За бой гладиаторов, например.

С.: Гладиаторов? С оружием? До смерти?

Д.: Слава Богу, нет. До смерти они обычно только на «велосипеде» замучивали. А бой гладиаторов, это вот что. Выбирали двух соперниц. Вернее, не столько выбирали, сколько они сами напрашивались. Мы же полуголодные все время ходили, так что за жетон - что угодно. Соперницам этим вручалось по толстой такой деревянной дубинке. Короткой, правда, сантиметров 25-30. Но бить этой дубинкой запрещалось, драться можно было только руками и ногами. А задача была - повалить соперницу, раздвинуть ей ляжки и дубинку на всю длину во влагалище засадить. Она орет тогда, что есть мочи, смазки-то никакой, а дубинка толстая, с кулак, да и длиннее влагалища. Орет и ногами в воздухе сучит, а солдаты хохочут. Бой это обычно долго продолжался, не меньше часа. Ведь надо уже совсем без сил быть, чтобы такое над собой сделать позволить. А жетон - только победительнице. Так что когда ничья получалась, никто жетона не получал. Только зрители получали - удовольствие от зрелища двух голых дерущихся баб с сиськами болтающимися. Во время боя на все шли - в груди впивались, за волосы во всех местах дергали. А солдатики в это время на нас пари заключали. После боя обычно еще обеих соперниц насиловали, да не по одному, сразу целой группой на каждую наваливались. Женщины разгоряченные были и обессиленные, дыхание сбито, всюду царапины. А тем приятно, вроде как действительно изнасилование...

С.: Вы знаете, я уже тоже без сил от вашего рассказа. Давайте мы продолжение перенесем на завтра.

Д.: До свидания.